Пров 29

НѢМЕЦКІЕ СОЦІАЛИСТЫ.

Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

2. КАРЛЪ МАРКСЪ [1]).

На одной почвѣ съ Лассалемъ стоитъ Карлъ Марксъ, извѣстный предсѣдатель Международнаго Товарищества Рабочихъ также какъ Лассаль, еврейскаго происхожденія. Ни по силѣ ума, ни по таланту, ни по разнообразію свѣдѣній, ни по философскому смыслу, онъ не можетъ сравняться съ Лассалемъ; но онъ сдѣлалъ то, о чемъ Лассаль только мечталъ: онъ далъ теоретическое построеніе соціальной утопіи. Книга его: *Капиталъ* [2]) служитъ высшимъ выраженіемъ нѣмецкаго ученаго соціализма. Хотя до сихъ поръ вышла только первая часть, на основаніи теоріи раскрываются здѣсь вполнѣ. По этой книгѣ мы можемъ видѣть, что̀ ученый соціализмъ въ состояніи дать. Важность предмета побуждаетъ насъ подвергнуть ее обстоятельному разбору и прослѣдить ту цѣпь умозаключеній, которою держится все это ученіе.

Способъ изслѣдованія Карла Маркса тотъ же самый, который мы видѣли у Лассаля. Это — діалектическая метода, наслѣдованная отъ Гегеля. Карлъ Марксъ прямо признаетъ себя уче-

---

[1]) См. первую часть этого труда «Лассаль» въ V томѣ Сб. Гос. Зн.

[2]) Карлъ Марксъ началъ издавать это сочиненіе въ 1859 году, отдѣльными тетрадями, подъ заглавіемъ: Zur Kritik der politischen Oekonomie. Это начало, въ новой обработкѣ, вошло въ изданную имъ въ 1867 году книгу: Das Kapital. Въ 1873 году эта книга вышла вторымъ изданіемъ, съ исправленною редакціею. Я пользуюсь этимъ послѣднимъ.

никомъ великаго мыслителя и говоритъ даже, что онъ въ своихъ основныхъ выводахъ кой-гдѣ кокетничалъ (!) гегелевскою терминологіею [1]). Гегелево начало противорѣчія онъ считаетъ „пружиною всякой діалектики“ [2]). Но рядомъ съ этимъ, онъ объявляетъ, что собственная его діалектическая метода прямо противоположна діалектикѣ Гегеля. У послѣдняго, умственный процессъ олицетворяется подъ именемъ идеи и становится творцомъ дѣйствительности, которая является только внѣшнимъ его выраженіемъ. По воззрѣнію же Маркса, истина лежитъ въ дѣйствительности, то есть, въ матеріальномъ мірѣ; все идеальное ничто иное какъ отраженное и опрокинутое въ человѣческой головѣ матеріальное бытіе. Поэтому, говоритъ онъ, діалектика Гегеля стоитъ на головѣ. Надобно ее перевернуть, чтобы раскрыть раціональную основу въ мистической оболочкѣ [3]).

Можно ожидать послѣ этого, что діалектика Гегеля явится отрицаніемъ дѣйствительности, а діалектика Маркса, напротивъ, возстановленіемъ дѣйствительности. Но выходитъ наоборотъ. Именно та діалектика, которая извращаетъ, или „ставитъ на голову“, истинныя отношенія вещей, раскрываетъ положительную сторону существующаго и выступаетъ, какъ его защитница, а та діалектика, которая существующее беретъ за основаніе, становится къ нему въ отрицательное отношеніе, указываетъ на необходимость погибели „каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія“, однимъ словомъ, является „по существу своему критическою и революціонною“ [4]).

Такимъ образомъ, діалектика должна разомъ служить выраженіемъ крайняго матеріализма и крайняго идеализма; она должна, съ одной стороны, брать свою точку опоры въ дѣйствительности, считая ее за истинную свою основу, съ другой стороны, отрицать эту самую дѣйствительность во имя идеала, обрѣтающагося только въ человѣческой головѣ. Карлъ Марксъ повидимому не подозрѣваетъ, что онъ служитъ двумъ разнымъ божествамъ. Указаніе на погибель каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія мы видѣли и у Лассаля; въ этомъ выражается одностороннее развитіе отрицательнаго элемента гегелевой діалектики. Но чисто матеріалистическихъ началъ мы у него не видали. Съ своимъ яснымъ философскимъ умомъ, Лассаль могъ иногда пользоваться

---

[1]) Das Kapital, стр. 822.
[2]) Тамъ же, стр. 619, прим. 41.
[3]) Тамъ же, стр. 821—822.
[4]) Тамъ же, стр. 822.

матеріалистическими доводами для своихъ цѣлей, но онъ не могъ смѣшивать два совершенно разнородныхъ направленія. Для человѣка, знакомаго съ философіею и умѣющаго связывать свои мысли, дѣйствительно трудно понять, какимъ образомъ матеріализмъ и соціализмъ могутъ совмѣщаться въ одной головѣ. Но въ дѣйствительности, это довольно обыкновенное явленіе.

При такомъ смѣшеніи понятій, не мудрено, что Карлъ Марксъ хочетъ свою діалектику выдать за результатъ опыта. Надобно отличать, говоритъ онъ, способъ изложенія отъ способа изслѣдованія. „Изслѣдованіе должно въ подробности усвоить себѣ матеріалъ, анализировать его различныя формы развитія и изыскать ихъ внутреннюю связь. Только когда совершена эта работа, можно представить истинное движеніе въ соотвѣтствующемъ видѣ. Если это удается, и жизнь матеріала отражается въ идеальной формѣ, то можетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло съ конструкціею a priori“ [1]).

Въ дѣйствительности, при истинно научномъ ходѣ мыслей, это никогда казаться не можетъ. Основное положеніе должно быть доказано, и тутъ немедленно обнаруживается, откуда берется доказательство, изъ умозрѣнія или изъ опыта. Авторъ можетъ тысячу разъ увѣрять, что онъ, невидимо для читателя, извлекъ свое начало изъ самаго подробнаго фактическаго изслѣдованія; читатель, имѣющій понятіе о томъ, что̀ такое ученое изслѣдованіе, все-таки не повѣритъ: онъ знаетъ, что научное доказательство состоитъ именно въ обнаруженіи этого процесса извлеченія. Безъ этого, самое подробное фактическое изложеніе становится только придаткомъ, который освѣщается предвзятою мыслью, то есть, представляется въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Такимъ и является фактическій матеріалъ въ книгѣ Маркса. Въ выводѣ основныхъ положеній нѣтъ у него и тѣни фактическаго доказательства; затѣмъ, когда теорія построена, на этомъ основаніи воздвигается фактическое зданіе, которое, разумѣется, получаетъ тотъ видъ, какой автору угодно ему придать. Слѣдовательно, когда Карлъ Марксъ увѣряетъ, что его начала только кажутся выведенными a priori, то этимъ онъ обнаруживаетъ только, что у него нѣтъ для нихъ ни умозрительнаго, ни опытнаго доказательства. Онъ самъ не знаетъ, откуда они взяты. И точно, тутъ нѣтъ ни умозрѣнія, ни опыта, а есть только логи-

[1]) Das Kapital, стр. 821.

ческіе фокусы, которые выкидываются для заданной напередъ цѣли. Читатель убѣдится въ этомъ, слѣдя шагъ за шагомъ за ходомъ мыслей автора.

Въ основаніе полагается анализъ стоимости товара. Товаръ, говоритъ Карлъ Марксъ, есть первоначальная клѣточка, изъ которой строится народное богатство. Наблюдать ее тѣмъ труднѣе, что мы не имѣемъ тутъ ни микроскопа, ни химическихъ реакцій. И то и другое должно быть замѣнено *силою отвлеченія* [1]). И такъ, вмѣсто наблюденія, мы начинаемъ съ отвлеченія. Что же такое товаръ?

Прежде всего, товаръ есть предметъ полезный человѣку, или служащій для потребленія. Полезность даетъ ему *потребительную стоимость* (Gebrauchswerth). Съ другой стороны, существо этого предмета состоитъ въ томъ, что онъ мѣняется на другіе. Въ этомъ состоитъ его *мѣновая стоимость* (Tauschwerth). Эта послѣдняя и составляетъ главный предметъ изслѣдованія.

Мѣновая стоимость выражается отношеніемъ равенства между двумя товарами, напримѣръ: 1 четверть пшеницы = x пудовъ желѣза. Но этимъ отношеніемъ не исчерпывается ея существо. Пшеница уравнивается не только съ желѣзомъ, но и съ множествомъ другихъ товаровъ; слѣдовательно, тутъ должно быть общее содержаніе, независимое отъ этихъ частныхъ способовъ выраженія. Въ каждомъ уравненіи непремѣнно предполагается нѣчто общее, третье, „что не есть ни то, ни другое“, но къ чему оба члена могутъ быть приведены. Товары отличаются другъ отъ друга своею потребительною стоимостью или полезностью; слѣдовательно, мѣновая стоимость, въ которой они полагаются равными, должна быть отлична отъ потребительной стоимости. Она получается отвлеченіемъ отъ послѣдней. Мѣновая стоимость, говоритъ Марксъ, не заключаетъ въ себѣ ни единаго атома потребительной стоимости [2]).

Тутъ читатель останавливается и спрашиваетъ себя: да почему же это такъ? Что между двумя предметами, которые обмѣниваются, должно быть нѣчто общее, это несомнѣнно; но что это общее не должно быть *ни то ни другое*, это, повидимому, противорѣчитъ здравому смыслу: общимъ называется именно то, что есть вмѣстѣ *и то и другое*. Если мы спросимъ: что̀ есть

---

[1]) Das Kapital, Vorwort, стр. 4.
[2]) Тамъ же, стр. 9—12.

общаго между двумя товарами, которые обмѣниваются? то всякій здравомыслящій человѣкъ навѣрное отвѣтитъ: то, что оба полезны; поэтому они и мѣняются. Одному болѣе нужно одно, другому другое; но оба равно нужны. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ различной ихъ пользы, то останется общій элементъ полезности, потребительная стоимость вообще. Другаго ничего мы этимъ умозаключеніемъ получить не можемъ. Отвлеченіе отъ частнаго даетъ намъ однородное съ нимъ общее, родовой признакъ видовъ, а не что либо другое.

Но можетъ ли общая полезность служить основаніемъ для количественнаго сравненія? Это—другой вопросъ, но и на него нельзя не отвѣчать утвердительно. При всякой мѣнѣ, человѣкъ сравниваетъ ту пользу, которую онъ даетъ, съ тою, которую онъ получаетъ; это и служитъ ему побужденіемъ для мѣны. Степенью полезности предмета опредѣляется и то, что̀ покупатель готовъ за него дать; онъ дастъ больше за то, что̀ ему нужнѣе, меньше за то, что̀ ему менѣе нужно. По признанію всѣхъ экономистовъ, спросъ является однимъ изъ существенныхъ элементовъ при опредѣленіи цѣнности. Другой элементъ составляетъ возможность пріобрѣсти предметъ инымъ путемъ. Никто не дастъ больше, если онъ можетъ заплатить меньше. Этотъ второй элементъ, предложеніе, опредѣляется разными обстоятельствами, которыя необходимо разобрать для того, чтобы рѣшить вопросъ о цѣнности товаровъ. Это и дѣлаютъ экономисты. Простое же отвлеченіе отъ полезности не только не приведетъ насъ къ какому либо результату, но, напротивъ, уничтожитъ самое основаніе рѣшенія. Если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ *всякой* полезности, то исчезнетъ и цѣнность, ибо не будетъ и мѣны. Никто не мѣняетъ предметовъ, которые не нужны. Слѣдовательно, когда Карлъ Марксъ утверждаетъ, что мѣновая цѣнность не содержитъ въ себѣ ни единаго атома потребительной цѣнности, то это не только ничѣмъ не оправданный логическій скачекъ, но и прямое противорѣчіе тому, что ежедневно происходитъ при мѣнѣ товаровъ.

Что же однако остается въ товарѣ, если мы сдѣлаемъ отвлеченіе отъ всякой полезности? Остается, говоритъ Карлъ Марксъ, *одно только* качество, именно, что оба предмета суть произведенія труда [1]). Тутъ читатель приходитъ въ еще большее недо-

[1]) Das Kapital, стр. 12.

умѣніе. Онъ объ трудѣ еще ничего не знаетъ. Почему же это единственное остающееся качество? Я, напримѣръ, покупаю лѣсъ и плачу за него золотомъ. Неужели, независимо отъ полезности этихъ предметовъ, единственное ихъ качество то, что они оба составляютъ произведенія труда? Но вѣдь они точно также, и еще въ гораздо большей степени — произведенія природы. Въ покупаемый мною лѣсъ, можетъ быть, не положено никакого труда, а я все-таки за него плачу, иногда даже очень дорого, смотря по обстоятельствамъ. Очевидно, трудъ берется тутъ какъ дѣятель производства; но самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что онъ не единственный дѣятель: есть еще и природа [1]). Есть и капиталъ. Мѣняемые предметы могутъ сами быть капиталомъ, то есть, служить дѣятелями производства. Это—тоже составляетъ качество, которое даетъ имъ цѣнность. Почему же все это оставляется въ сторонѣ и берется одинъ трудъ? Потому что такъ угодно автору. Инаго отвѣта мы дать не можемъ. Пусть читатель переберетъ всѣ 822 страницы книги Карла Маркса; онъ другой причины не найдетъ. Вездѣ, въ послѣдующемъ изложеніи, положеніе, что мѣновая стоимость товаровъ опредѣляется исключительно трудомъ, принимается какъ доказанное; доказательство же состоитъ единственно въ томъ, что отбросивъ полезность товаровъ, мы получимъ въ остаткѣ одно только качество, именно, что они составляютъ произведеніе труда. И это выдается за строго научный выводъ! [2]) Читатель видитъ, что тутъ нѣтъ не только строгой науки, но даже и простаго смысла. Фактическій разборъ мѣновой стоимости устраняется совершенно; объ опытныхъ доказательствахъ нѣтъ и помину. Все сводится на логическій выводъ, но въ этомъ выводѣ не оказывается ни единаго атома логики. Какъ мы уже сказали, это не умозрѣніе и не опытъ, а просто фокусъ, посредствомъ котораго пускается пыль въ глаза читателя.

Англійскіе экономисты, также какъ Карлъ Марксъ, старались привести цѣнность товаровъ къ произведенной работѣ; но они дѣлали это на основаніи серіознаго анализа предмета Анализъ былъ невѣренъ, ибо доходъ съ земли и процентъ съ капитала, которые, независимо отъ другихъ, измѣняющихся обстоятельствъ, постоянно опредѣляютъ цѣнность произведеній, не могутъ быть

---

[1]) Das Kapital, стр. 18.
[2]) Тамъ же, Nachw. стр. 813.

сведены къ работѣ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, можно спорить, можно доказывать. Когда же авторъ просто утверждаетъ, что это такъ, и затѣмъ считаетъ дѣло доказаннымъ, то вопросъ идетъ уже не объ ученомъ спорѣ, а просто объ оцѣнкѣ умственныхъ способностей писателя.

Но пойдемъ далѣе. Допустимъ, что цѣнность товаровъ опредѣляется единственно трудомъ. Какимъ же трудомъ? Если мы устраняемъ полезность произведеній, говоритъ Карлъ Марксъ, то, очевидно, мы должны устранить и полезность производящей ихъ работы; съ первою исчезаетъ и послѣдняя. Полезная работа есть частный видъ работы, та или другая ея форма, а намъ нуженъ общій элементъ, работа вообще. Безразличная или отвлеченная работа есть работа, какъ трата человѣческихъ силъ. Она измѣряется временемъ, или своимъ продолженіемъ. Это и есть мѣрило всѣхъ цѣнностей, единица, къ которой онѣ приводятся [1]).

На этотъ разъ умозаключеніе правильно: сдѣлавши отвлеченіе отъ различія работы, мы получимъ работу вообще. Но тутъ является другое затрудненіе. Я могу проработать Богъ знаетъ сколько времени, но если я произвелъ вещь ни кому не нужную, то она все-таки не будетъ имѣть цѣнности, и трудъ мой пропалъ даромъ. Это признаетъ и Карлъ Марксъ. Слѣдовательно, работа, для того чтобы имѣть цѣнность, непремѣнно должна быть *полезна* [2]). Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы откидываемъ всякую полезность и утверждаемъ, что цѣнность опредѣляется работою, единственно какъ тратою рабочей силы, съ другой стороны, мы требуемъ, чтобы эта отвлеченная работа непремѣнно была полезна; то есть, мы въ заднюю дверь вводимъ то, что вытолкнули черезъ переднюю. Противорѣчіе тутъ явное, вопіющее; но авторъ ни мало этимъ не смущается, и ничего не замѣчая, продолжаетъ свое логическое шествіе.

Если цѣнность произведеній опредѣляется исключительно временемъ употребленной на нихъ работы, то очевидно, что всякая работа должна оплачиваться одинаково. Большее ли количество полезной стоимости работникъ производитъ въ данное время или меньшее, цѣна должна быть одна. Это также признаетъ Карлъ Марксъ. Производительная сила работы, говоритъ онъ, касается

---

[1]) Das Kapital, стр. 12—13.
[2]) Тамъ же, стр. 15—16, 64.

ея полезности, а отнюдь не ея цѣнности. Результатъ большей производительности только тотъ, что одна и таже цѣнность распредѣляется на большее количество товаровъ, вслѣдствіе чего послѣдніе становятся дешевле [1]). Но если такъ, то и качественно различная работа должна цѣниться одинаково. На этомъ основаніи, картина Рафаэля будетъ имѣть меньшую цѣну, нежели картина самаго бездарнаго труженика, если она написана въ болѣе скорое время. Тутъ нельзя сослаться и на то, что въ картинѣ Рафаэля оплачивается предъидущая приготовительная работа художника. Труженикъ и прежде могъ работать даже болѣе Рафаэля: генію достается легко то, чего труженикъ никогда не достигнетъ даже самою копотливою работою. Слѣдовательно, приходится или признать, что цѣнность произведеній опредѣляется не однимъ количествомъ, но и качествомъ работы, или отвергнуть самые очевидные и неотразимые факты, какъ не имѣющіе законнаго основанія. На послѣднее Карлъ Марксъ не рѣшается. Онъ, по своему обыкновенію, вводитъ противорѣчіе въ свою аргументацію, не заботясь объ его разрѣшеніи. Работу онъ раздѣляетъ на простую и сложную; послѣднюю онъ называетъ также *потенцированною* или *умноженною*, какъ будто качественное различіе исчерпывается количественнымъ отношеніемъ! Простая работа, по его мнѣнію, составляетъ единицу, которою измѣряются всѣ цѣнности; сложная же работа сводится къ простой, такъ что меньшее количество первой равняется большему количеству второй. Читатель спрашиваетъ: какъ же это возможно, когда мы имѣемъ дѣло съ безразличною работою, съ работою вообще, какъ тратою силъ? Потенцированною или умноженною можно назвать развѣ только болѣе производительную работу, но именно она-то и устраняется, какъ не имѣющая вліянія на цѣнность. Правда, въ другомъ мѣстѣ Карлъ Марксъ говоритъ, что „работа съ исключительною производительною силою дѣйствуетъ, какъ потенцированная работа, или производитъ въ одинакое время высшія цѣнности, нежели средняя общественная работа того же рода“ [2]); но это только увеличиваетъ противорѣчіе, и мы все-таки не узнаемъ, какимъ способомъ возможно разнокачественную рабсту привести къ единой количественной единицѣ. Самъ авторъ перестаетъ тутъ разсуждать, а просто ссылается на опытъ. „Что это

---

[1]) Das Kapital, стр. 15, 21.
[2]) Тамъ же, стр. 325.

приведеніе постоянно совершается, говоритъ онъ, это показываетъ опытъ. Извѣстный товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, во всякомъ случаѣ его цѣнность уравниваетъ его съ произведеніемъ простой работы, а потому сама представляетъ только извѣстное количество простой работы. Различныя пропорціи, въ которыхъ разнородныя работы сводятся на простую работу, какъ ихъ количественную единицу, устанавливаются *извѣстнымъ общественнымъ процессомъ за спиною производителей*, а потому кажутся имъ вытекающими изъ обычая" [1]). На этомъ основаніи, Карлъ Марксъ считаетъ совершенно безполезнымъ далѣе трактовать о качественно высшей работѣ, ибо ее всегда можно привести къ простой.

Это, конечно, весьма легкій способъ избавиться отъ затрудненія. Но вопросъ состоитъ именно въ томъ: что же это за общественный процессъ, который происходитъ за спиною производителей? Если мы просто сошлемся на опытъ, то окажется, что не работа служитъ мѣриломъ цѣнностей, а деньги служатъ мѣриломъ работы, причемъ отношеніе одной работы къ другой опредѣляется отнюдь не свойствомъ или продолженіемъ самой работы, а нерѣдко совершенно посторонними обстоятельствами. Одна и таже картина, воплощающая въ себѣ мѣсячную работу художника, можетъ быть въ 100, въ 1,000 и въ 10,000 разъ цѣннѣе такого же количества простой работы, смотря по тому, извѣстенъ ли художникъ или нѣтъ, большой ли спросъ на его произведенія или малый, живъ онъ или умеръ и т. п. Если же мы, вмѣстѣ съ Марксомъ, скажемъ, что общество, установляя цѣны, само не понимаетъ, чѣмъ оно руководится [2]), то надобно объяснить истинную сущность этого процесса, и тогда опять возникаетъ вопросъ: чѣмъ измѣряются разнокачественныя работы? гдѣ единица для ихъ сравненія? По теоріи Карла Маркса, когда мы говоримъ, что 20 аршинъ полотна равняются одному сюртуку, то это означаетъ, что въ обѣихъ цѣнностяхъ содержится одинакое количество рабочихъ дней; но когда мы говоримъ, что большее количество простой работы равняется меньшему количеству сложной, то есть, лучшей, то гдѣ же тутъ основаніе уравненія? Чтобы восполнить недостающее количество, мы должны ввести другой элементъ, качество, элементъ несоизмѣримый съ количествомъ.

---

[1]) Das Kapital, стр. 19.
[2]) Тамъ же, стр. 51.

Не говоримъ уже о той нелѣпости, что большее количество служитъ единицею для меньшаго. Очевидно, что свести всѣ цѣнности къ единицѣ рабочаго дня можно только однимъ способомъ: совершенно устранивъ качество работы. Это и дѣлаетъ Карлъ Марксъ, когда онъ говоритъ, что цѣнность опредѣляется работою вообще, какъ тратою силы, независимо отъ ея качества. Но тогда не слѣдуетъ вводить опять качество заднею дверью, а надобно храбро признать, что картина Рафаэля имѣетъ меньшую цѣну, нежели произведеніе бездарнаго труженика, которое работалось дольше.

Однако и этимъ признаніемъ мы не спасемся отъ противорѣчій. Даже простая работа поденщика можетъ быть разнаго качества. Самъ Карлъ Марксъ замѣчаетъ, что по этой теоріи можетъ показаться, что чѣмъ лѣнивѣе и неспособнѣе человѣкъ, тѣмъ цѣннѣе его товаръ, ибо тѣмъ болѣе требуется времени для произведенія этого товара. Чтобы устранить это затрудненіе, приходится опять разнокачественную работу приводить къ общей единицѣ. „Работа, составляющая субстанцію цѣнностей, говоритъ Карлъ Марксъ, есть равная человѣческая работа, трата одной и тойже человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ цѣнностяхъ товарнаго міра, имѣетъ значеніе одной и тойже человѣческой рабочей силы, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ единичныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ единичныхъ силъ есть таже человѣческая рабочая сила, какъ и другія, на сколько она имѣетъ характеръ средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ, какъ таковая средняя общественная рабочая сила, слѣдовательно, употребляетъ на произведеніе товара только среднимъ числомъ необходимое или общественно необходимое время работы“ [1]).

Такимъ образомъ, для того чтобы найти единицу работы, мы принуждены сдѣлать новое отвлеченіе. Сначала мы откинули качество и взяли одно количество; теперь мы отбрасываемъ безконечное разнообразіе единичныхъ силъ и беремъ одну общую рабочую силу. Но это новое отвлеченіе имѣетъ уже иной характеръ, нежели первое. Тамъ мы брали одну сторону дѣйствительнаго предмета, откидывая другую; здѣсь же мы изъ области дѣйствительности переходимъ въ область фикціи. Ибо единая общественная рабочая сила ничто иное, какъ фикція; въ дѣй-

[1]) Das Kapital, стр. 13.

ствительности существуютъ только единичныя силы. Говоря объ общественной силѣ, мы не знаемъ даже, о какомъ обществѣ тутъ идетъ рѣчь. Объ отдѣльномъ государствѣ? Но обмѣнъ товаровъ существуетъ и между государствами. По этой теоріи, мы должны будемъ сказать, что на всемірномъ рынкѣ цѣна товаровъ опредѣляется среднимъ рабочимъ временемъ всего человѣческаго рода, какъ единой рабочей силы. Но вѣдь это чистая нелѣпость. Когда мы принимаемъ за мѣрило дѣйствительныхъ отношеній фиктивную и никому не извѣстную единицу, это означаетъ только, что мы совершенно сбились съ дороги. На дѣлѣ, цѣна товаровъ опредѣляется отнюдь не выводомъ средняго рабочаго времени для всего человѣческаго рода, а просто борьбою частныхъ силъ. Болѣе дешевые товары вытѣсняютъ съ рынка болѣе дорогіе. Конкурренція же происходитъ вовсе не оттого, что разнообразныя силы сводятся къ одной, а именно оттого, что силы разныя.

Съ фиктивною единицею общественной рабочей силы связано и другое превращеніе. Если до сихъ поръ читатель могъ думать, что мѣриломъ цѣнностей служитъ дѣйствительно исполненная работа, то теперь онъ долженъ въ этомъ разубѣдиться. Не дѣйствительная, а *потребная*, или, какъ выражается Карлъ Марксъ, *общественно-необходимая* работа опредѣляетъ цѣну произведеній. Но общественно-необходимая работа не есть постоянная единица. Какъ признаетъ и самъ Карлъ Марксъ, это—мѣрило, безпрерывно измѣняющееся. Сегодня для производства извѣстнаго товара нужно извѣстное количество работы, а завтра, вслѣдствіе новаго изобрѣтенія, нужна только половина. Не смотря на то что прежній рабочій день перешелъ уже въ цѣну товара, если этотъ товаръ еще не потребленъ, а вращается на рынкѣ, цѣна его, слѣдовательно и употребленная на него работа, сокращается на половину. Излишекъ работы пропалъ даромъ [1]). Поэтому, когда Карлъ Марксъ утверждаетъ, что въ цѣнѣ товаровъ изображается окрѣпшее рабочее время (festgeronnene Arbeitszeit), то это противорѣчитъ собственнымъ его выводамъ: работа вовсе не окрѣпла въ цѣнѣ, а напротивъ, постоянно съ нею измѣняется, хотя она уже произведена и повидимому измѣняться уже не можетъ. Надобно притомъ замѣтить, что общественно-необходимое рабочее время не есть время, потребное для производства того или другаго отдѣльнаго товара, а время, потребное для произ-

[1]) Das Kapital, стр. 86.

водства всей совокупности извѣстнаго товара, нужнаго обществу. Время, потребное для производства отдѣльной штуки, можетъ остаться прежнее, но если произведено болѣе потребнаго количества, то считается все-таки только необходимое для удовлетворенія потребности время, которое теперь распредѣляется на большее количество товара. Какъ рабочая сила, такъ и весь находящійся на рынкѣ товаръ считается одною статьею, которой общая цѣна распредѣляется по отдѣльнымъ предметамъ, сообразно съ общимъ ихъ количествомъ [1]). Поэтому и наоборотъ, если количество товара меньше нужнаго, товаръ все-таки считается произведеніемъ необходимой для общества работы, хотя эта работа вовсе и не была произведена; въ этомъ случаѣ, цѣна товара стоитъ выше, нежели дѣйствительно употребленная на нее работа.

Ясно, что при такомъ взглядѣ, работа перестаетъ имѣть самостоятельное значеніе. Дѣйствительная работа превратилась въ воображаемую, воображаемая же сумма работы опредѣляется суммою предметовъ необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, то есть, полезныхъ. Изъ области фикціи мѣрило опять переходитъ въ дѣйствительность, но уже въ дѣйствительность, опредѣляемую полезною стоимостью, а не трудомъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ мы получаемъ совершенно противоположное тому, что мы имѣли въ началѣ. Точкою отправленія было отвлеченіе отъ всякой потребительной стоимости; мы изъ области чувственной вознеслись въ область сверхъчувственную, или даже сверхъестественную, по выраженію Карла Маркса [2]). Но тутъ, идя отъ отвлеченія къ отвлеченію, мы пришли наконецъ къ чистой фантасмагоріи, ускользающей отъ всякаго опредѣленія, и когда мы захотѣли что нибудь уловить, мы не нашли ничего, кромѣ отвергнутой нами потребительной стоимости. Не даромъ Карлъ Марксъ говоритъ, что при анализѣ, товаръ оказывается „исполненнымъ метафизическихъ тонкостей и богословскихъ призраковъ“, какимъ-то „общественнымъ іероглифомъ“, который надобно разгадывать. При такомъ способѣ изслѣдованія немудрено, что тотъ же товаръ, по выраженію Маркса, „изъ своей деревянной головы выкидываетъ штуки, гораздо болѣе удивительныя, нежели если

---

[1]) Das Kapital, стр. 86.

[2]) Тамъ же, стр. 33: «eine übernatürliche Eigenschaft»; и на стр. 48: «sobald er als Waare auftritt, verwandelt er sich in ein sinnlich übersinnliches Ding».

бы онъ вдругъ самъ собою началъ плясать“ [1]). Но Марксъ неправъ, когда онъ весь этотъ мистическій туманъ и вытекающія изъ него противорѣчія приписываетъ самой формѣ производства, выражающейся въ товарѣ [2]). Противорѣчія существуютъ только въ головѣ автора, и эта самая голова производитъ богословскіе призраки и всѣ эти штуки, болѣе удивительныя, нежели еслибы товаръ началъ самъ собою плясать. Дѣйствительное производство цѣнностей тутъ ровно не при чемъ.

И это еще не высшій цвѣтъ этой новаго рода діалектики. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ еще болѣе изумительныя штуки.

Утвердивши мѣновую цѣнность на такой метафизической пляскѣ товара, Карлъ Марксъ переходитъ къ превращенію товара въ деньги. Тутъ дѣло кажется довольно просто. Деньги служатъ орудіемъ мѣны, выраженіемъ мѣновой цѣнности; слѣдовательно, по теоріи автора, онѣ являются воплощеніемъ отвлеченной человѣческой работы. Но Карлъ Марксъ этимъ не довольствуется; онъ опять хочетъ быть глубокомысленнымъ и, по своему обыкновенію, запутывается въ противорѣчія, изъ которыхъ нѣтъ исхода.

По теоріи Маркса, цѣна мѣняемыхъ товаровъ выражается въ уравненіи, которое означаетъ, что количество работы въ обоихъ одно и тоже. Казалось бы, тутъ нѣтъ ничего, кромѣ чисто количественнаго отношенія равенства. Но будучи воспитанъ на нѣмецкой философіи, Карлъ Марксъ видитъ тутъ полярность, то есть, качественную противоположность. Одинъ товаръ, говоритъ онъ, выражаетъ свою цѣнность въ другомъ; слѣдовательно, первый играетъ дѣятельную, а второй страдательную роль. Первый является, какъ *относительная стоимость*, второй, какъ *эквивалентъ* [3]). Можно возразить, что во всякой мѣнѣ это отношеніе обоюдное. Правда, говоритъ Карлъ Марксъ; но для того чтобы цѣну втораго товара выразить въ первомъ, надобно переставить термины, и тогда первый становится эквивалентомъ [4]). Читатель понимаетъ, что эта перестановка совершается на бумагѣ, а въ дѣйствительности отношеніе остается тоже. Какъ ни переставляй

---

[1]) Das Kapital, стр. 47—48.
[2]) Тамъ же, стр. 53, 82.
[3]) Тамъ же, стр. 23.
[4]) Тамъ же, стр. 24.

термины уравненія, оно все-таки выражаетъ собою равенство и ничего болѣе.

Въ чемъ же однако, по мнѣнію Маркса, состоитъ качественная противоположность относительной стоимости и эквивалента? Въ этомъ, по его увѣренію, выражается опять же извѣстная намъ противоположность цѣнности и полезности, или мѣновой и потребительной цѣнности. Послѣдняя была устранена съ самаго начала. Сами товары, устами Карла Маркса, говорятъ намъ: „наша потребительная стоимость можетъ интересовать человѣка; намъ, какъ вещамъ, она не принадлежитъ... Мы относимся другъ ко другу, только какъ мѣновыя стоимости“ [1]). Но не смотря на то, потребительная стоимость опять и опять вводится въ отношеніе цѣнностей. Полярность терминовъ состоитъ именно въ томъ, что мѣновая стоимость одного выражается въ потребительной стоимости другаго. И этимъ не ограничивается противорѣчіе. Не только здѣсь тайкомъ вводится начало, которое было формально устранено, но самые противоположные термины неожиданно превращаются другъ въ друга. Объясняя то, что онъ называетъ относительною стоимостью, Карлъ Марксъ прямо говоритъ, что въ ней выражается цѣнность, а въ эквивалентѣ полезность. „Стоимость (мѣновая) товара А, выраженная въ потребительной стоимости товара В, имѣетъ форму относительной стоимости“ [2]). Это объясняется тѣмъ, что для продавца, на точку зрѣнія котораго мы становимся при этомъ сравненіи, отдаваемый имъ товаръ представляетъ не полезность, а цѣнность; напротивъ, получаемый товаръ имѣетъ для него полезность [3]). Но къ концу длиннаго и утомительнаго разсужденія, которое вращается болѣе въ области тавтологіи, вдругъ оказывается, что полезность представляется относительною стоимостью, а цѣнность эквивалентомъ. „Скрывающаяся въ товарѣ внутренняя противоположность потребительной стоимости и цѣнности, говоритъ Карлъ Марксъ, выражается внѣшнею противоположностью, то есть, отношеніемъ двухъ товаровъ, въ которомъ одинъ товаръ, котораго цѣнность должна быть выражена, непосредственно имѣетъ значеніе, только какъ потребительная стоимость, а другой товаръ напротивъ, въ которомъ выражается цѣнность, имѣетъ непо-

---

[1]) Das Kapital, стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 28.
[3]) Тамъ же, стр. 66.

средственно значеніе, только какъ мѣновая стоимость“ [1]). Какимъ образомъ совершилось это превращеніе, остается для читателя тайною. Можно думать, что оно произошло и безъ вѣдома автора, ибо отъ этого ему нѣтъ никакой выгоды. Это просто логическая игра, въ которой неумѣлый игрокъ никогда не знаетъ, гдѣ у него наконецъ очутится понятіе.

Какъ бы то ни было, въ результатѣ выходитъ, что деньги, какъ общій эквивалентъ, служатъ чистымъ выраженіемъ мѣновой стоимости, или воплощеніемъ отвлеченной человѣческой работы [2]). Самъ Карлъ Марксъ признаетъ это выраженіе нелѣпымъ (verrückt), но онъ утверждаетъ, что мѣщанское производство не можетъ не выражаться въ нелѣпыхъ формахъ [3]). И такъ, цѣнность золота означаетъ количество потребнаго для добыванія его рабочаго времени и выражается въ томъ количествѣ всякаго другаго товара, на производство котораго требуется столько же времени [4]). Цѣна товара есть, поэтому, денежное названіе осуществленной въ немъ работы. „Однако, говоритъ Карлъ Марксъ, если цѣна, какъ показатель количественной стоимости товара (т. е. положенной въ него работы), есть показатель его мѣноваго отношенія къ золоту, то не слѣдуетъ наоборотъ, что показатель его мѣноваго отношенія къ золоту необходимо есть показатель его количественной стоимости“. *Обстоятельства* могутъ заставить понизить настоящую цѣну или дозволить ея возвышеніе, и тогда денежная цѣна товара перестаетъ соотвѣтствовать истинной ея стоимости. Можетъ даже случиться, что денежная цѣна товара не только количественно, но и качественно отличается отъ его стоимости. Человѣкъ получаетъ иногда плату за то, что̀ не представляетъ собою никакой работы, напримѣръ, за поступки противные чести и совѣсти. Въ такомъ случаѣ, цѣна становится мнимою величиною. Карлъ Марксъ приписываетъ эти уклоненія капиталистической формѣ производства, въ которой общее правило является, только какъ слѣпой законъ, установляющій среднюю норму неправильныхъ отношеній [5]). Но мы не можемъ не видѣть здѣсь признанія, что цѣна товаровъ опредѣляется не однимъ рабочимъ временемъ, но и другими

---

[1]) Das Kapital, стр. 37.
[2]) Тамъ же, стр. 71—72.
[3]) Тамъ же, стр. 53.
[4]) Тамъ же, стр. 70.
[5]) Тамъ же, стр. 80—81.

обстоятельствами. Между тѣмъ, опредѣленіе мѣновой стоимости исключительно рабочимъ временемъ было выведено, какъ абсолютный законъ, независимо отъ какой бы то ни было формы производства. Намъ было сказано, что уравненіе, въ которомъ выражается мѣна, означаетъ, что въ обоихъ терминахъ заключается одинаксе количество рабочаго времени. Принявши это начало, мы непремѣнно должны признать, что въ денежной цѣнѣ товара выражается его мѣновая стоимость, или количество заключающагося въ немъ рабочаго времени, и ничего болѣе. Сколько бы мы ни сравнивали между собою величинъ и съ котораго бы конца мы ни начинали, отношеніе равенства все-таки остается отношеніемъ равенства. Сказать же, что мѣновая стоимость выражается въ цѣнѣ товара, но цѣна товара не всегда выражаетъ мѣновую стоимость, это все равно, что еслибы, говоря, напримѣръ, объ измѣреніи стола, мы сказали, что начавши съ одного конца, выдетъ два аршина, а начавши съ другаго, можетъ, пожалуй, выйти и три. Противорѣчіе тутъ опять не въ предметѣ, а единственно въ теоріи автора.

Къ такой же нелѣпости онъ приходитъ, когда онъ несоотвѣтствіе цѣны съ истинною стоимостью товара объясняетъ тѣмъ, что *субстанція* цѣны, то есть, воплощенная въ произведеніи работа, можетъ, при перемѣнѣ формы, то есть, при обмѣнѣ, утрачиваться или убавляться [1]). Такого исчезновенія или приращенія субстанціи наука не знаетъ. Это — чудодѣйственное твореніе изъ ничего или превращеніе въ ничто. Не даромъ Карлъ Марксъ относитъ цѣну товаровъ къ сверхъ-естественному міру.

Изслѣдовавши такимъ образомъ превращеніе мѣновой стоимости въ деньги, Карлъ Марксъ изслѣдуетъ затѣмъ превращеніе денегъ въ капиталъ. Это — краеугольный камень всей системы, и здѣсь авторъ радикально расходится со всѣми „мѣщанскими экономистами“. Послѣдніе подъ именемъ капитала разумѣютъ всякое произведеніе, обращенное на новое производство; но Карлъ Марксъ, возвращаясь къ понятіямъ древнихъ, видитъ въ капиталѣ только деньги, приносящія проценты, или рождающія молодыхъ, по выраженію Аристотеля [2]). Будучи пущенъ въ оборотъ, капиталъ превращается и въ товаръ, но съ тѣмъ только, чтобы снова превратиться въ деньги. Товарная форма для него переходная,

---

[1]) Das Kapital, стр. 87.
[2]) Тамъ же, стр. 135, прим.; также стр. 137, 149.

денежная же форма—начало и конецъ его движенія [1]). Этимъ обращеніе капитала существенно отличается отъ собственно товарнаго обращенія. Въ послѣднемъ, товаръ составляетъ начало и конецъ оборота. Производитель продаетъ товаръ и на полученныя деньги покупаетъ новый товаръ, который ему нуженъ для потребленія. Слѣдовательно, это—обмѣнъ двухъ равноцѣнныхъ товаровъ черезъ посредство денегъ. Формула этого оборота слѣдующая: Товаръ—Деньги—Товаръ. Цѣлью является здѣсь потребленіе, чѣмъ и кончается весь процессъ. Оборотъ капитала, напротивъ, изображается формулою: Деньги—Товаръ—Деньги. Цѣлью здѣсь не можетъ быть обратное полученіе денегъ, ибо подобный оборотъ не имѣлъ бы смысла. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы на пущенныя въ оборотъ деньги получить *прибыль*, или избытокъ цѣны (Mehrwerth). Посредствомъ оборота капиталъ наростаетъ, и это нарощеніе не имѣетъ предѣла, ибо каждый завершившійся оборотъ становится началомъ другаго [2]). Эта форма оборота, говоритъ Карлъ Марксъ, повидимому принадлежитъ только купеческому капиталу; но она точно также свойственна и всякому промышленному капиталу. Вездѣ на деньги покупаются товары, которые опять продаются въ другомъ видѣ. Въ капиталѣ, который отдается въ ростъ, эта форма является во всей своей чистотѣ, въ сокращенномъ видѣ. Тутъ прямо выражается истинное существо капитала: это—деньги, рождающія деньги [3]).

Читатель спрашиваетъ: гдѣ же мы послѣ этого найдемъ простое товарное обращеніе, которое противополагается денежному? Если мы возьмемъ приведенный Марксомъ примѣръ крестьянина-производителя, который продаетъ хлѣбъ, съ тѣмъ чтобы купить платье, то мы увидимъ, что и крестьянинъ для производства хлѣба долженъ былъ сначала положить деньги. Положимъ, что земля досталась ему неизвѣстнымъ способомъ; но все же надобно купить земледѣльческія орудія, скотъ, матеріалы для хозяйственныхъ построекъ, можетъ быть, и сѣмена. Самыя вырученныя за товаръ деньги онъ не всѣ употребляетъ на покупку необходимыхъ для домашней жизни предметовъ; часть ихъ онъ снова обращаетъ на производство. Но и купецъ-капиталистъ дѣлаетъ

[1]) Das Kapital, стр. 137.
[2]) Тамъ же, стр. 129—136.
[3]) Тамъ же, стр. 138.

...отека О...

тоже самое: часть своей прибыли онъ употребляетъ на свою собственную жизнь, а другую прилагаетъ къ капиталу и пускаетъ въ новый оборотъ. Разница между обоими способами обращенія состоитъ единственно въ томъ, что въ первомъ случаѣ Карлъ Марксъ произвольно начинаетъ съ товара, какъ будто товаръ упалъ съ неба, и также произвольно кончаетъ потребленіемъ, не обращая вниманія на ту часть выручки, которая идетъ на новое производство; въ другомъ же случаѣ, онъ дѣлаетъ наоборотъ: онъ произвольно начинаетъ съ денегъ, какъ будто деньги упали съ неба, и обращаетъ вниманіе исключительно на ту часть прибыли, которая снова пускается въ оборотъ. Истинная же разница состоитъ не въ томъ, что мы произвольно начнемъ съ того или другаго конца, а въ томъ, что однѣ траты дѣлаются для потребленія, а другія для производства. Послѣднія и составляютъ капиталъ, безъ котораго ни одно производство обойтись не можетъ. Видѣть капиталъ въ однихъ деньгахъ, это значитъ возвращаться къ первобытнымъ временамъ политической экономіи. Древніе могли съ презрѣніемъ смотрѣть на торговую прибыль и на денежный процентъ, также какъ они вообще съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ: у нихъ достойнымъ гражданина считалось только управленіе домомъ и занятіе государственными дѣлами. Но перенесеніе этихъ понятій на новое время лишено всякаго смысла.

И это еще ничего. Самое любопытное то, что Карлъ Марксъ, выдавая денежное обращеніе за источникъ приращенія капитала, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ это приращеніе невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣна товаровъ опредѣляется потребною на производство ихъ работою, то сколько ни превращай товаръ въ деньги и деньги въ товаръ, цѣна останется все одна и таже. Это мы и видимъ въ простомъ товарномъ обращеніи: купленный для потребленія товаръ равняется по цѣнѣ проданному товару. Разница состоитъ не въ мѣновой, а въ потребительной ихъ цѣнности: одному нужно одно, другому другое; оттого и происходитъ мѣна. Только для болѣе удобнаго сравненія она совершается черезъ посредство денегъ. Поэтому и въ денежномъ обращеніи конецъ долженъ быть равенъ началу. Сколько бы мы ни вставляли посредствующихъ уравненій, все же мы не получимъ ничего, кромѣ отношенія равенства. Обращеніе, говоритъ Карлъ Марксъ, не рождаетъ цѣны, и весь этотъ посредствующій процессъ ничто

иное какъ фокусъ, ибо потребитель можетъ прямо купить товаръ у производителя [1]). Купецъ вставляется между ними, какъ паразитъ, и весь его барышъ объясняется только тѣмъ, что онъ обсчитываетъ того и другаго. По чистымъ экономическимъ законамъ, тутъ прибыли быть не можетъ [2]).

Какъ же однако, спрашиваетъ въ изумленіи читатель: развѣ купцу не нужно ни хлопотъ, ни издержекъ, для того чтобы произведенный, иногда за тридевять земель, товаръ доставить потребителю? Развѣ всякій, кто нуждается въ чаѣ или хлопкѣ, можетъ идти за ними въ Китай или въ Америку? Даже производитель, который живетъ подъ бокомъ, не продаетъ своихъ товаровъ въ розницу. Розничная продажа требуетъ опять же хлопотъ и издержекъ. Производитель спѣшитъ сбыть свой товаръ оптомъ, съ тѣмъ чтобы вырученныя деньги опять обратить на производство. Слѣдовательно, посредничество необходимо, а оно сопряжено съ издержками, съ хлопотами, съ рискомъ. Нужны постройки, корабли, склады; купецъ долженъ ѣздить, покупать, расчитывать. Неужели онъ за все это не получитъ вознагражденія, и проданный имъ товаръ долженъ, по экономическимъ законамъ, оставаться въ той цѣнѣ, по какой онъ его купилъ? Казалось бы, достаточно поставить эти вопросы, чтобы получить на нихъ отвѣтъ. Объ этомъ слишкомъ громко говорятъ и наука, и здравый смыслъ, и ежедневный опытъ. Но Карлъ Марксъ, въ глаза наукѣ, здравому смыслу и опыту, храбро утверждаетъ, что купецъ ничто иное какъ паразитъ, и что обращеніе товаровъ никогда не можетъ породить приращенія цѣнности.

Если мы взглянемъ на другую форму прибыли, на процентъ съ капитала, отдаваемаго въ займы, то мы увидимъ тоже самое. Капиталъ, лежащій въ сундукахъ, скопляемый въ видѣ сокровища, процента не приноситъ; почему же онъ приращается, когда онъ пускается въ оборотъ? По той же самой причинѣ, по какой получаетъ вознагражденіе и человѣческая работа: потому что онъ становится *полезнымъ*. По собственному признанію Карла Маркса, только та работа имѣетъ цѣну, которая служитъ на пользу другаго [3]); тоже самое прилагается и къ деньгамъ. Заемщику нужны деньги; если онъ ихъ не получитъ, онъ принужденъ будетъ пре-

---

[1]) Das Kapital, стр. 139—142.
[2]) Тамъ же, стр. 148, 149.
[3]) Тамъ же, стр. 64.

кратить свое производство; онъ, можетъ быть, даже пойдетъ по міру. Въ этой нуждѣ онъ обращается къ тому, у кого деньги есть. Но промышленность — не благотворительное учрежденіе. Если капиталистъ, по экономическимъ законамъ, долженъ выдать деньги на рискъ, съ тѣмъ чтобы черезъ Богъ знаетъ сколько времени получить ихъ обратно въ томъ-же количествѣ, онъ скажетъ себѣ, что гораздо лучше оставить ихъ безопасно въ сундукѣ. Въ силу этихъ такъ называемыхъ экономическихъ законовъ, заемщикъ не получитъ денегъ и разорится. Но если нуждающемуся въ деньгахъ и капиталисту прійдетъ въ голову нарушить экономическій законъ и установить плату за пользованіе деньгами, то это будетъ выгодно для обоихъ. Разница между копителемъ сокровища и капиталистомъ, говоритъ Карлъ Марксъ, состоитъ въ томъ, что первый поступаетъ глупо, а второй умно [1]). Дѣйствительно такъ, но въ чемъ же состоитъ глупость перваго и проницательность втораго? Почему въ одномъ случаѣ капиталъ не приращается, а во второмъ приращается? Просто, потому что въ первомъ случаѣ онъ остается безъ пользы, а во второмъ онъ становится полезнымъ! — Однако, возразятъ, капиталистъ не производитъ никакой работы, а по принятой теоріи, одна работа опредѣляетъ цѣну произведеній. — Но кто же виноватъ, если ваша теорія оказывается негодною? Вольно вамъ произвольно принимать въ расчетъ только пользу, приносимую работою, а не пользу, приносимую капиталомъ!

Карлъ Марксъ понимаетъ однако, что однимъ обсчитываніемъ нельзя объяснить такое всеобщее явленіе, какъ процентъ съ капитала. Надобно вывести это явленіе изъ внутреннихъ законовъ обмѣна товаровъ [2]). Но ни торговый капиталъ, ни кредитъ не представляютъ для этого данныхъ. Поэтому, Карлъ Марксъ обращается къ другой промышленной формѣ, къ фабричному производству, которое ведется посредствомъ найма рабочихъ. Капиталистическое производство, говоритъ онъ, начинается тамъ, гдѣ съ одной стороны являются чистые капиталисты, а съ другой свободно нанимающіеся рабочіе, то есть, не ранѣе XVI вѣка [3]). Такимъ образомъ, тѣ формы, которыя самъ Карлъ Марксъ при-

---

[1]) Das Kapital, стр. 136.

[2]) Тамъ же, стр. 150: «die Verwandlung des Geldes in Kapital ist auf Grundlage dem Waarenaustausch immanenter Gesetze zu entwickeln, so dass der Austausch von Aequivalenten als Ausgangspunkt gilt».

[3]) Тамъ же, стр. 128, 152—155.

знаетъ первоначальными и древнѣйшими [1]), торговый капиталъ и кредитъ, остаются необъясненными. Капиталъ существовалъ тысячелѣтія и приносилъ проценты, и все это совершалось наперекоръ экономическимъ законамъ! Авторъ не заботится даже о томъ, чтобы дать объясненіе общее всѣмъ формамъ. Когда ему нужно доказать, что капиталъ не можетъ приращаться оборотомъ, онъ беретъ одинъ торговый капиталъ, а когда ему нужно доказать, что приращеніе происходитъ посредствомъ эксплуатаціи рабочихъ, онъ беретъ одинъ фабричный капиталъ, не обращая вниманія на то, что приложимое къ послѣднему не относится къ первому.

Фабричное производство, по мнѣнію Карла Маркса, имѣетъ то спеціальное свойство, что тутъ покупается особаго рода товаръ, рабочая сила, которая не только сама имѣетъ цѣну, но и становится источникомъ новыхъ цѣнностей [2]). Карлъ Марксъ тщательно старается доказать, что капиталистъ покупаетъ не работу, а именно рабочую силу. Когда совершается продажа, говоритъ онъ, работа еще не существуетъ, слѣдовательно, не можетъ быть продана, а когда работа начинается, она уже продана, слѣдовательно, не принадлежитъ болѣе работнику. Работа есть субстанція и внутреннее мѣрило цѣнъ, но сама она не имѣетъ цѣны. Поэтому, обыкновенно употребляемый терминъ: *цѣна работы* есть только фиктивное выраженіе. Въ дѣйствительности, цѣну имѣетъ одна рабочая сила, которая и продается на рынкѣ [3]).

Если читатель воображалъ, что рабочая сила продается на рынкѣ только въ странахъ, гдѣ существуетъ рабство, то теперь онъ долженъ въ этомъ разубѣдиться. Напрасно мы стали бы указывать на то, что рабочая сила, по собственному признанію автора, остается постояннымъ достояніемъ рабочаго [4]), а продается только временное ея употребленіе, то есть, именно работа, ибо самъ авторъ опредѣляетъ работу, какъ *употребленіе* рабочей силы [5]). Напрасно также мы стали бы доказывать, что самое употребленіе рабочей силы, въ отличіе отъ найма домовъ, машинъ, и т. п., не отдается въ руки капиталиста, ибо работ-

---

[1]) Das Kapital, стр. 128, 148.
[2]) Тамъ же, стр. 151—152.
[3]) Тамъ же, стр. 556—557.
[4]) Тамъ же, стр. 152—153.
[5]) Тамъ же, стр. 163.

никъ самъ прилагаетъ свою волю и свое вниманіе къ дѣлу, и самъ употребляетъ свои члены для производства работы. Напрасно мы устранили бы и дѣтское возраженіе, что работа на рынкѣ не можетъ продаваться, потому что она еще не существуетъ, указаніемъ на подряды, гдѣ продаются произведенія еще не существующія. Напрасно, наконецъ, мы стали бы доказывать, что отвергать цѣнность употребленія или траты рабочей силы, то есть, именно того, что можетъ передаваться и переходить въ цѣнность товаровъ, и признавать цѣнность источника этой траты, самой рабочей силы, которая преспокойно остается въ тѣлѣ работника, есть чистая безсмыслица. Къ чему тутъ разсужденія, когда самъ Карлъ Марксъ, въ десяти мѣстахъ своего сочиненія, признаетъ, что работникъ отдаетъ капиталисту не рабочую силу, а именно извѣстную сумму работы, опредѣляемую временемъ? Такъ, на стр. 172 мы читаемъ: „покупщику товара принадлежитъ употребленіе товара, и владѣлецъ рабочей силы, отдавая свою работу, отдалъ въ сущности только проданную имъ потребительную стоимость“ (Gebrauchswerth). На стр. 562: „потребительная стоимость, которую работникъ отдаетъ капиталисту, въ дѣйствительности не есть его рабочая сила, а ея отправленіе, извѣстная полезная работа“. На стр. 564: „но ясно, что смотря по длинѣ рабочаго дня, то есть, по количеству исполненной въ теченіи дня работы, таже самая поденная или недѣльная плата можетъ представлять совершенно разную цѣну работы, то есть, совершенно разныя денежныя суммы за тоже количество работы“. На стр. 153, въ примѣчаніи, Карлъ Марксъ дѣлаетъ даже выписку изъ философіи права Гегеля, гдѣ говорится: „изъ моихъ особенныхъ тѣлесныхъ и духовныхъ способностей и возможностей дѣятельности, я могу отчуждать другому ограниченное во времени *употребленіе*, потому что въ силу этого ограниченія, они получаютъ внѣшнее отношеніе къ моей всецѣлости и общности. Отчужденіемъ же всего моего конкретнаго рабочаго времени и всецѣлости моихъ произведеній, я сдѣлалъ бы самую ихъ сущность, мою общую дѣятельность и дѣйствительность, то есть, мою личность, собственностью другаго“. И послѣ всего этого, Карлъ Марксъ все-таки утверждаетъ, что продается не работа, а рабочая сила, что первая не имѣетъ цѣны, а послѣдняя имѣетъ!!

Зачѣмъ же однако нужна автору вся эта безсмыслица? Затѣмъ, что безъ этого ничего не выдетъ. Если мы скажемъ, что продается работа и спросимъ объ ея цѣнѣ, то по предъидущей

теоріи, отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Цѣною работы называется выраженіе ея въ деньгахъ, а мы знаемъ, что цѣна денегъ служитъ чистымъ выраженіемъ рабочаго времени. Слѣдовательно, вопросъ рѣшается очень просто. Если, напримѣръ, количество золота, равное одному рублю, представляетъ собою одинъ рабочій день, то ясно, что цѣна рабочаго дня равняется одному рублю, и это имѣетъ силу для всего земнаго шара. Ничего другаго изъ этой теоріи вывести нельзя. Это — чистая математика: если А = В, то В = А. Но именно этого-то и желательно избѣгнуть. Требуется доказать, что если А равно В, то В вовсе не равно А. Для этого-то и нужно цѣну работы замѣнить цѣною рабочей силы, и тогда можно разсуждать такимъ образомъ: рабочая сила продается, какъ товаръ; цѣна всякаго товара опредѣляется суммою работы, потребной на его производство; для производства и поддержанія рабочей силы требуются извѣстныя жизненныя средства, а для производства этихъ средствъ опять нужна работа; слѣдовательно, цѣна рабочей силы опредѣляется среднею суммою работы, потребной для производства необходимыхъ для работника жизненныхъ средствъ. Положимъ напримѣръ, что для дневнаго содержанія работника и его семейства требуется 6 часовъ или полъ-дня работы, что̀ въ деньгахъ выражается однимъ талеромъ. Въ такомъ случаѣ, цѣна одного рабочаго дня будетъ равняться одному талеру или шестичасовой работѣ [1]). А такъ какъ рабочій день равняется двѣнадцати часамъ, то выходитъ, что одинъ талеръ представляетъ собою и шестичасовую и двѣнадцатичасовую работу. Половина рабочаго дня равняется цѣлому рабочему дню.

Читатель видитъ, къ чему мы приходимъ вслѣдствіе замѣны цѣны работы цѣною рабочей силы. Еслибы мы прямо сказали, что „12 часовъ работы мѣняются на 10, на 6 и т. д. часовъ работы“, то подобное „уравненіе неравныхъ величинъ, какъ говоритъ самъ Марксъ, не только уничтожило бы всякое опредѣленіе цѣны, но такое само себя уничтожающее противорѣчіе не могло бы даже вообще быть высказано или формулировано, какъ законъ“ [2]). Здѣсь же мы косвеннымъ путемъ приходимъ къ тому же выводу. По признанію самого Маркса, „мы получаемъ съ перваго взгляда нелѣпый результатъ, что работа, которая произ-

---

[1]) Das Kapital, стр. 155 — 158.
[2]) Тамъ же, стр. 556.

водитъ цѣнность въ 6 шиллинговъ, сама имѣетъ только цѣнность 3-хъ шиллинговъ“ [1]). Но вставивши посредствующимъ членомъ другую нелѣпость, именно, замѣну цѣны работы цѣною рабочей силы, мы первую нелѣпость можемъ нѣкоторымъ образомъ скрыть отъ взоровъ неопытнаго читателя. Съ помощью изложеннаго выше разсужденія, можно даже выдать ее за непреложный законъ капиталистическаго производства.

Карлъ Марксъ признаетъ впрочемъ, что выведенный имъ „экономическій законъ“ подвергается нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ. Утвердивши на общемъ основаніи, что цѣна рабочей силы опредѣляется *среднею* общественною работою, потребною для производства жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія этой рабочей силы [2]), онъ, вслѣдъ за тѣмъ, говоритъ, что это опредѣленіе составляетъ *наименьшую границу* стоимости рабочей силы. При такой цѣнѣ, рабочая сила стоитъ даже *ниже* своей настоящей стоимости, ибо она не можетъ поддерживаться въ нормальной добротѣ [3]). Нормальная же доброта опредѣляется не одними необходимыми физическими потребностями, но и мѣстными и временными условіями, степенью развитія общества, главнымъ же образомъ *привычками* и *жизненными требованіями* свободнаго рабочаго класса. Поэтому, заключаетъ Карлъ Марксъ, опредѣленіе цѣны рабочей силы, въ *противоположность другимъ товарамъ*, заключаетъ въ себѣ историческій и нравственный элементъ [4]). Казалось бы, этого достаточно для опроверженія всей теоріи. Самъ авторъ прямо признаетъ, что цѣна рабочей силы опредѣляется не суммою работы, потребной на ея поддержаніе, а привычками и жизненными требованіями рабочаго класса. Но не смотря на то, Карлъ Марксъ настаиваетъ на своемъ „экономическомъ законѣ“ и на немъ строитъ всѣ свои выводы.

Прямое послѣдствіе этого „закона“ составляетъ то, что какъ бы ни была продолжительна работа, цѣна ея всегда одна и таже, ибо она опредѣляется не временемъ работы, а тѣмъ, что̀ работнику нужно для его содержанія. Цѣна двѣнадцатичасоваго рабочаго дня опредѣляется суммою работы, потребною для производства необходимыхъ жизненныхъ средствъ, то есть, шестью или,

---

[1]) Das Kapital. стр. 560.
[2]) Тамъ же, стр. 155—156.
[3]) Тамъ же, стр. 158.
[4]) Тамъ же, стр. 156.

пожалуй, восемью или десятью часами работы, смотря по обстоятельствамъ. Если же мы спросимъ: какова цѣна этой послѣдней работы, воплотившейся въ жизненныя средства? то получимъ въ отвѣтъ, что она опять опредѣляется суммою работы, потребною на содержаніе этихъ послѣднихъ рабочихъ, то есть, опять шестью, восемью или десятью часами работы. Такимъ образомъ, 6, 8, 10 и 12 часовъ работы имѣютъ совершенно одинакую цѣну. Если работникъ работалъ всего 3 часа въ день, то и въ такомъ случаѣ цѣна его рабочей силы опредѣлялась бы потребными для поддержанія ея средствами пропитанія; но тогда рабочій жилъ бы на счетъ капиталиста. Продолжительность работы, которою опредѣляется цѣна произведеній, по этой теоріи, вовсе не принимается въ расчетъ при опредѣленіи цѣны получаемой капиталистомъ работы.

Невинный работникъ не подозрѣваетъ этого удивительнаго свойства его труда, что какъ долго онъ ни работай, цѣна его работы, по „экономическимъ законамъ“, все будетъ одна и таже. Но болѣе проницательный капиталистъ скоро объ этомъ догадывается и на этомъ строитъ всѣ свои расчеты. Карлъ Марксъ подробно описываетъ, какъ это происходитъ. Капиталистъ хочетъ производить, напримѣръ, бумажную пряжу. Для этого ему нуженъ прежде всего матеріалъ. Онъ идетъ на рынокъ и покупаетъ, положимъ, 10 фунтовъ хлопка, которые стоятъ 10 шиллинговъ, представляющихъ сумму работы, потребной на производство означеннаго количества хлопка. Эта сумма должна войти въ цѣну будущаго произведенія. Затѣмъ надобно опредѣлить трату машинъ и прочаго капитала. Этотъ капиталъ представляетъ также накопленную въ немъ работу, которая опять же должна войти въ цѣну будущаго произведенія. Положимъ, что для производства 10 фунтовъ пряжи накопленной въ капиталѣ работы тратится на 2 шиллинга. И того, 12 шиллинговъ, представляющихъ цѣну двухъ рабочихъ дней или 24-хъ-часовой работы. Наконецъ, ко всему этому надобно присоединить цѣну рабочихъ рукъ. Цѣна купленнаго капиталистомъ рабочаго дня равняется тремъ шиллингамъ, представляющимъ шестичасовую работу, потребную на дневное содержаніе работника. Если на производство десяти фунтовъ пряжи нужно тоже 6 часовъ работы, то къ цѣнѣ произведенія надобно прибавить еще 3 шиллинга. И того 15. Это и есть настоящая мѣновая цѣна 10 фунтовъ пряжи, цѣна, представляющая сумму всей употребленной на нее работы. Про-

давши ее по этой цѣнѣ, капиталистъ получаетъ возмѣщеніе всѣхъ своихъ издержекъ, но прибыли нѣтъ никакой [1]).

„Нашъ капиталистъ удивляется“, говоритъ Карлъ Марксъ. Читатель тоже. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не удивляться, когда за всѣ свои хлопоты, рискъ и издержки, капиталистъ, по изложенному расчету, не долженъ получить никакой прибыли? Въ такомъ случаѣ, производить не стоитъ. „Экономическій законъ“ уничтожаетъ возможность производства. Конечно, противъ такого расчета можно представить множество возраженій. Но вмѣсто серіознаго обсужденія возраженій, Карлъ Марксъ даетъ намъ только пошлѣйшее изображеніе обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ капиталиста, который, не получая прибыли, мечется во всѣ стороны. Онъ грозитъ, что не будетъ болѣе производить; онъ „катихизируетъ“; онъ „становится на заднія лапы“; наконецъ, онъ самъ притворяется рабочимъ и требуетъ платы за свою работу. Хотя въ другомъ мѣстѣ Карлъ Марксъ говоритъ, что капиталистъ принужденъ употреблять все свое время на контроль чужой работы и на продажу произведеній этой работы [2]), однако тутъ притязаніе на вознагражденіе устраняется просто замѣчаніемъ, что „собственный его надзиратель и управляющій пожимаютъ плечами“. Но скоро улыбка озаряетъ опять лицо капиталиста. Какъ практическій человѣкъ, онъ догадался, въ чемъ штука. Вѣдь онъ за 3 шиллинга купилъ цѣлый рабочій день, то есть, 12 часовъ работы, а въ цѣну произведенныхъ имъ 10 фунтовъ пряжи вошло только 6 часовъ работы. Слѣдовательно, остальныя 6 часовъ работникъ будетъ работать на него даромъ. Произведенные въ теченіи этихъ 6 часовъ 10 фунтовъ пряжи продадутся опять за 15 шиллинговъ; но на этотъ разъ, капиталистъ истратилъ только 12 шиллинговъ на покупку сыраго матеріала и на трату машинъ, за работу же онъ не заплатилъ ничего. Три шиллинга онъ получаетъ, какъ чистую прибыль. Такимъ образомъ, строго держась „экономическихъ законовъ“, капиталистъ надулъ работника: произведенную послѣднимъ цѣнность онъ положилъ въ свой карманъ. „Фокусъ наконецъ удался, восклицаетъ Карлъ Марксъ. Деньги превратились въ капиталъ“ [3]).

Дѣйствительно, тутъ учиненъ фокусъ, только не капитали-

---

[1]) Das Kapital, стр. 174—178.
[2]) Тамъ же, стр. 314.
[3]) Тамъ же, стр. 179—183.

стомъ, а писателемъ, который, идя отъ нелѣпости къ нелѣпости, пришелъ наконецъ къ тому, что половина равна цѣлому. Казалось бы, что если полъ-дня, или 6 часовъ работы, равняются 3 шиллингамъ или, напримѣръ, 5 фунтамъ хлѣба, то цѣлый день, или 12 часовъ работы, долженъ равняться 6 шиллингамъ или 10 фунтамъ хлѣба, а тутъ выходитъ, что какъ половина, такъ и цѣлый день равняются только 5 фунтамъ. Еслибы математикъ въ своихъ исчисленіяхъ сдѣлалъ подобный выводъ, онъ, безъ сомнѣнія, заключилъ бы, что въ его вычисленіяхъ есть ошибка. Но ученикъ Гегеля не стѣсняется подобными соображеніями. Онъ просто можетъ выдать противорѣчіе, родившееся въ его собственной головѣ, за противорѣчіе, присущее предмету. Правда, отъ логики Гегеля не остается здѣсь и призрака; но кто же станетъ это разбирать, особенно въ настоящее время, когда всѣ эти метафизическія бредни, въ томъ числѣ и логика, считаются сданными въ архивъ?

Карлъ Марксъ самъ впрочемъ раскрываетъ намъ, въ чемъ состоитъ *штука*. „Прошедшая работа, заключающаяся въ рабочей силѣ, говоритъ онъ, и живая работа, которую послѣдняя можетъ произвести, ежедневныя издержки для поддержанія силы и ежедневная ея трата — двѣ совершенно разныя величины. Одна опредѣляетъ ея мѣновую стоимость, другая образуетъ ея потребительную стоимость“ [1]). А „потребительная стоимость и мѣновая — двѣ величины несоизмѣримыя“ [2]). Что же такое потребительная цѣнность рабочей силы? „Въ дѣйствительности, говоритъ Карлъ Марксъ, потребительная стоимость, которую работникъ отдаетъ капиталисту, не есть его рабочая сила, а ея отправленіе, извѣстная полезная работа“, но эта работа имѣетъ то свойство, что она производитъ цѣнности [3]). Это послѣднее свойство составляетъ спеціальную потребительную стоимость работы: она не только служитъ источникомъ цѣнности, но она производитъ бо̀льшую цѣнность, нежели она сама имѣетъ [4]). Иными словами: польза, приносимая работою, не только возмѣщаетъ трату силъ, то есть, мѣновую ея стоимость, но и производитъ новыя цѣнности. Вспомнимъ теперь, что̀ намъ говорилось въ началѣ. Мы слышали, что въ мѣновую стоимость товаровъ

---

[1]) Das Kapital, стр. 181.
[2]) Тамъ же, стр. 561.
[3]) Тамъ же, стр. 562.
[4]) Тамъ же, стр. 182.

не входитъ ни единаго атома потребительной стоимости; что цѣнность произведеній опредѣляется не полезностью работы, а единственно значеніемъ ея, какъ траты силы; что производительность работы вовсе не принимается въ расчетъ, а отдается даромъ. Этой теоріи и держится работникъ при продажѣ своей рабочей силы. Онъ беретъ за нее, какъ за произведеніе, а не какъ за производителя; онъ цѣнитъ ея мѣновую, а не ея потребительную стоимость. Но капиталистъ, когда онъ опредѣляетъ цѣну своего товара, отправляется отъ теоріи совершенно противоположной. Онъ беретъ въ расчетъ значеніе рабочей силы, не какъ произведенія, а какъ производителя, не мѣновую, а потребительную ея стоимость. Мудрено ли послѣ этого, что одна и та же рабочая сила получаетъ двѣ совершенно разныя цѣны? Работникъ думаетъ, что цѣны опредѣляются мѣновою стоимостью, а капиталистъ думаетъ, что онѣ опредѣляются потребительною стоимостью, двумя, по выраженію Маркса, несоизмѣримыми величинами.

Читатель видитъ, что „фокусъ“, въ сущности, довольно простъ. Рецептъ его слѣдующій: если мы хотимъ доказать, что $^1/_2$ A = A, то надобно въ уравненіи A = A раздѣлить оба члена на двѣ половины; затѣмъ, говоря о первомъ членѣ, мы будемъ утверждать, что одна изъ двухъ половинъ вовсе не имѣетъ значенія для уравненія, а потому должна быть выкинута, а разбирая второй членъ, мы будемъ утверждать, что другая половина имѣетъ существенное значеніе, а потому должна быть оставлена. Читатель можетъ быть и не догадается, если мы все это размажемъ на 822 страницахъ.

И эту непроходимую дребедень намъ выдаютъ за строго научный выводъ!!

Можно спросить себя только: сознательно все это производится или безсознательно? Надобно полагать, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ неисцѣлимой путаницы понятій въ головѣ автора, ибо, сказавши, что спеціальная потребительная стоимость работы состоитъ именно въ томъ, что она производитъ цѣнности, Карлъ Марксъ заключаетъ: „какъ видно, полученное изъ анализа товара различіе между работою, какъ потребительною стоимостью, и тою же работою, какъ творящею цѣнности, представилось теперь, какъ различіе отдѣльныхъ сторонъ производительнаго процесса“ [1]). Оказалось совершенно обратное: различенное прежде

[1]) Das Kapital, стр. 185—186.

опять смѣшалось, изъ чего вышелъ не съ перваго только взгляда „нелѣпый результатъ, что работа, которая производитъ цѣнность въ 6 шиллинговъ, сама имѣетъ только цѣнность въ 3 шиллинга“ [1]). Одно изъ двухъ: или цѣна рабочей силы опредѣляется единственно ея мѣновою, а не потребительною стоимостью, и тогда эта же стоимость переходитъ и на работу, какъ трату силы, а наконецъ и на произведенія, какъ представляющія собою извѣстную сумму работы; или же, если цѣна произведеній опредѣляется потребительною стоимостью работы, то есть, ея полезностью, что̀ и происходитъ въ дѣйствительности, то это же начало прилагается и къ рабочей силѣ, ибо въ товарѣ, какъ произведеніи работы, не можетъ быть ничего, чего бы не было въ работѣ, а въ работѣ не можетъ быть ничего, чего бы не было въ рабочей силѣ. „Изъ ничего ничего не происходитъ, говоритъ Карлъ Марксъ. Производство цѣнностей есть превращеніе рабочей силы въ работу“ [2]).

Тоже самое разсужденіе прилагается и къ капиталу, который, также какъ работа, есть дѣятель производства. Если въ цѣну произведеній входитъ только мѣновая, а не потребительная стоимость работы, то это же начало прилагается и къ капиталу. Въ такомъ случаѣ, онъ не приноситъ процента, но и работа не производитъ никакого избытка цѣнности; она только поддерживаетъ самое себя. Если же цѣны товаровъ опредѣляются потребительною стоимостью работы, если работа, сверхъ собственной поддержки, производитъ или можетъ производить еще избытокъ цѣнности, то очевидно, тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно капитала: кромѣ возвращенія цѣны истраченнаго капитала, капиталистъ получаетъ еще вознагражденіе за принесенную имъ пользу. Но именно этого-то Карлъ Марксъ и не признаетъ. То начало, которое онъ прилагаетъ къ работѣ, онъ отрицаетъ въ приложеніи къ капиталу. По его мнѣнію, „капиталъ есть умершая работа, которая, какъ вампиръ, оживляется только всасываніемъ живой работы“ [3]). Дѣятельною является единственно послѣдняя; она не только производитъ новыя цѣнности, но и *переноситъ* мѣновую цѣнность капитала на произведенія. Первое она совершаетъ посредствомъ своего количества, второе—посредствомъ своего качества. Но такъ

---

[1]) Das Kapital, стр. 560.
[2]) Тамъ же, стр. 205, прим. 27.
[3]) Тамъ же, стр. 224, также стр. 594.

какъ качество работы дается даромъ, то этотъ переносъ мѣновой стоимости капитала ничто иное какъ подарокъ, который работникъ дѣлаетъ капиталисту. Работникъ и не подозрѣваетъ этого „природнаго дара живой работы, въ силу котораго она сохраняетъ цѣнности въ то время, какъ она ихъ производитъ". Весь процессъ опять происходитъ за его спиною. Но капиталистъ пользуется имъ для возмѣщенія своихъ издержекъ. Въ доказательство, Карлъ Марксъ ссылается на то, что при улучшеніи способовъ производства, производительная сила работы увеличивается: въ одно и тоже время обдѣлывается болѣе матеріала, слѣдовательно, переносится болѣе цѣнности, а между тѣмъ, цѣна работы остается прежняя, распредѣляясь только на большее количество произведеній. Наоборотъ, если производительная сила работы остается таже, но возвышается цѣна сыраго матеріала, то одна и таже работа, обдѣлывая одно и тоже количество матеріала, все-таки переноситъ бо̀льшую стоимость на произведеніе [1]).

Этотъ послѣдній примѣръ могъ бы быть приведенъ, именно какъ доказательство противъ теоріи автора. Бо̀льшая цѣнность переносится тутъ не вслѣдствіе какого либо улучшенія работы, а просто потому что, совершенно независимо отъ работы, возвысилась цѣна матеріала; слѣдовательно, работа тутъ не при чемъ. Но и первый примѣръ доказываетъ столь-же мало. Если, при усовершенствованныхъ орудіяхъ, одинъ и тотъ-же работникъ, въ одно и то-же время, дѣлаетъ больше прежняго, то это доказываетъ бо̀льшую производительность не его рукъ, а его орудій. Ребенокъ при машинѣ можетъ сдѣлать больше, нежели самый сильный и искусный работникъ безъ машины. Поэтому и цѣна работы остается та-же или можетъ даже уменьшиться. Въ дѣйствительности, переносъ цѣны истраченнаго капитала на произведеніе совершается не работникомъ, а капиталистомъ, который за свой товаръ требуетъ такую цѣну, которая бы возмѣщала ему издержки; иначе онъ производить не станетъ. Карлъ Марксъ видитъ въ этомъ переносѣ какой-то физическій актъ, въ родѣ „переселенія душъ" [2]); но онъ тутъ же принужденъ признаться, что, строго говоря, тутъ воспроизведенія нѣтъ: прежняя потребительная стоимость исчезла; произведена новая, въ которой *по-*

---

[1]) Das Kapital, стр. 187—190, 196.
[2]) Тамъ же, стр. 196.

является прежняя мѣновая стоимость, но это воспроизведеніе только *кажущееся* [1]). При этомъ онъ забываетъ и прежнюю свою теорію, по которой цѣна произведеній опредѣляется не дѣйствительно совершенною личною работою, а среднею общественною работою, потребною для производства. Слѣдовательно, дѣйствительный работникъ никакихъ цѣнъ переносить не можетъ, и сколько онъ ни переноси, если средняя потребная работа, то есть, спросъ уменьшится, то перенесенная цѣна превратится въ ничто, не смотря на природный даръ живой работы сохранять цѣнности.

Изъ всего этого Марксъ выводитъ, что матеріалы и орудія производства никогда не могутъ дать произведеніямъ болѣе цѣны, нежели они сами имѣютъ. Если трата происходитъ по частямъ, напримѣръ, при употребленіи орудій, то эта только часть и переходитъ въ цѣну произведеній. При этомъ, по замѣчанію Маркса, происходитъ любопытное явленіе: машина, напримѣръ, въ данномъ производствѣ тратится только *частью*, а служитъ она этому производству *всецѣло*. Первое представляетъ ея мѣновую стоимость, которая и переходитъ въ цѣну произведеній, второе — ея потребительную стоимость, которая дѣйствуетъ даромъ. Какъ бы ни было полезно орудіе производства, цѣнность его опредѣляется не тѣмъ процессомъ, въ который оно входитъ, какъ дѣятель, а тѣмъ, изъ котораго оно выходитъ, какъ произведеніе. Въ производительномъ процессѣ, оно служитъ только какъ потребительная стоимость, какъ вещь съ полезными свойствами, а потому оно не придало бы произведенію никакой цѣны, еслибы оно не имѣло цѣны до начала процесса [2]). Чѣмъ больше производительная дѣятельность машинъ въ сравненіи съ простыми орудіями, говоритъ Карлъ Марксъ, тѣмъ больше и объемъ ихъ даровой услуги. Только въ крупной промышленности человѣкъ научается заставлять произведенія своей прошедшей работы дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ даромъ, подобно силамъ природы [3]).

Почему же однако потребительная стоимость работы входитъ въ цѣну товаровъ, а потребительная стоимость капитала нѣтъ? Почему первая не только возмѣщаетъ свою трату, но и производитъ лишнюю цѣнность, а второй только возмѣщаетъ свою стои-

---

[1]) Das Kapital, стр. 197, 198.
[2]) Тамъ же, стр. 193, 195.
[3]) Тамъ же, стр. 404.

мость, а производимый имъ излишекъ отдаетъ даромъ? Однимъ словомъ, почему изъ двухъ дѣятелей производства, работа цѣнится не только какъ произведеніе, но и какъ производитель, а капиталъ цѣнится, единственно какъ произведеніе? Ссылаться на то, что одинъ является истиннымъ дѣятелемъ, а капиталъ служитъ только мертвымъ орудіемъ, нѣтъ возможности. Мы видѣли уже, что то, что Марксъ называетъ производительною силою работы, въ сущности есть производительная сила капитала. Самъ Карлъ Марксъ признаетъ, что со введеніемъ машинъ роли мѣняются: прежнее орудіе становится главнымъ дѣятелемъ, а рабочая сила превращается въ орудіе машины [1]). Точно также онъ признаетъ, что бо́льшая производительная сила работы, при соединеніи ея въ крупномъ производствѣ, проистекаетъ отъ капитала, который сбираетъ разсѣянныя единицы и связываетъ ихъ въ одно цѣлое [2]). Почему же капиталистъ все это долженъ производить даромъ? Очевидно, что и тутъ, какъ вездѣ, имѣется двоякая мѣра и двое вѣсовъ. Въ одномъ случаѣ отвергается то, что признается въ другомъ, единственно потому что такъ нужно автору.

Этимъ способомъ Карлъ Марксъ выводитъ, что прибыль въ производствѣ можетъ произойти исключительно отъ работы, и если ее получаетъ капиталистъ, то это ничто иное, какъ неправильное присвоеніе плодовъ чужаго труда, то есть, чужой собственности. Работникъ часть своего рабочаго дня употребляетъ на себя, именно, на возмѣщеніе издержекъ содержанія, остальную же часть, которую Марксъ называетъ „излишнимъ рабочимъ временемъ“, онъ даромъ отдаетъ капиталисту, и это-то и составляетъ источникъ прибыли. Карлъ Марксъ называетъ это *тайною прибыли* [3]). Есть, правда, явленія, которыя, повидимому, противорѣчатъ этому объясненію. Такъ, принявши эту теорію, слѣдуетъ сказать, что для капиталиста выгодно употреблять какъ можно больше рабочихъ для своего производства, а не замѣнять ихъ машинами. „Невозможно, напримѣръ, говоритъ Карлъ Марксъ, изъ двухъ рабочихъ выжать столько же избытка цѣнности, сколько изъ 24. Если каждый изъ 24 рабочихъ, въ теченіи 12 часовъ, даетъ только одинъ часъ излишней работы, то все же они вмѣстѣ даютъ 24 часа излишней работы, тогда какъ совокупная работа

---

[1]) Das Kapital, стр. 444.
[2]) Тамъ же, стр. 338.
[3]) Тамъ же, стр. 554, прим. 20.

двухъ работниковъ равняется только 24 часамъ“ [1]). На дѣлѣ выходитъ однако наоборотъ, что капиталисту выгоднѣе употреблять двухъ рабочихъ, нежели 24. Но это опять одно изъ „внутреннихъ противорѣчій“ капиталистическаго производства! Теорія все-таки остается невредима.

При такомъ взглядѣ, не трудно представить всю промышленность, какъ рядъ грабежей и вымогательствъ. Это и дѣлаетъ Карлъ Марксъ. Свободный договоръ, которымъ опредѣляется заработная плата, въ его глазахъ, есть только юридическій вымыселъ, прикрывающій призракъ независимости. „Римскій рабъ привязанъ былъ цѣпями, наемный же работникъ невидимыми нитями привязывается къ своему хозяину“ [2]). Вцѣпившійся въ рабочаго „вампиръ“ не отстаетъ, „пока остается одинъ мускулъ, одна жила, одна капля крови для поживы“ [3]). Мы не станемъ слѣдить за этимъ повѣствованіемъ. Читатель можетъ судить, какое научное достоинство имѣетъ изложеніе, освѣщенное разобранною нами теоріею.

Въ заключеніе Карлъ Марксъ доказываетъ, также какъ и Лассаль, что „капиталистическое производство“ имѣетъ чисто историческое значеніе. Онъ оставляетъ въ сторонѣ древность и средніе вѣка и начинаетъ прямо съ XVI-го столѣтія, когда впервые появляется различіе между капиталистами съ одной стороны, и свободными работниками съ другой. Необходимое для этого условіе состоитъ въ образованіи класса пролетаріевъ. По мнѣнію Карла Маркса, этотъ классъ образуется вслѣдствіе экспропріаціи работниковъ, владѣющихъ землею. Огульное изгнаніе крестьянъ съ земли составляетъ поэтому основаніе всего процесса. Карлъ Марксъ вкратцѣ излагаетъ исторію этой экспропріаціи въ Англіи, гдѣ она имѣетъ „классическую форму“ [4]).

Извѣстно, что въ Англіи крестьяне были освобождены ранѣе, нежели въ другихъ странахъ, но безъ земли. Извѣстно также, что поземельная собственность сосредоточена тамъ въ относительно немногихъ рукахъ. Но виновато въ томъ не капиталистическое производство, а аристократическій строй общества. Это— жертва, которую Англія принесла своему политическому развитію. На европейскомъ материкѣ нѣтъ ничего подобнаго. Тамъ, въ

---

[1]) Das Kapital, стр. 426.
[2]) Тамъ же, стр. 597.
[3]) Тамъ же, стр. 307.
[4]) Тамъ же, стр. 745.

огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне съ свободою получили и землю. Тамъ зло заключается не въ сосредоточеніи поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, а, напротивъ, въ безмѣрномъ ея раздробленіи. Все это — факты совершенно достовѣрные. Но Карлъ Марксъ осторожно ихъ обходитъ. Онъ ограничивается одною Англіею, потому что иначе все такъ называемое историческое развитіе капиталистическаго производства оказалось бы чистою фантазіею.

Въ самой Англіи онъ оставляетъ въ сторонѣ экономическія причины „земледѣльческой революціи“, а довольствуется изложеніемъ употребленныхъ при этомъ насильственныхъ мѣръ [1]). Къ удивленію, мы узнаемъ, что англійскіе землевладѣльцы находили овецъ болѣе выгодными, нежели рабочихъ, а потому вытѣсняли послѣднихъ въ пользу первыхъ. Они не подозрѣвали, что одна рабочая сила даетъ прибыль, а съ овецъ нельзя вымогать излишняго рабочаго времени. Къ еще большему нашему изумленію, Карлъ Марксъ повѣствуетъ, что въ новѣйшее время, побуждаемые ненасытною алчностью къ барышу, землевладѣльцы стали превращать самыя овечьи пастбища въ охотничьи пустыри. Оказывается, что пустыня, къ которой не прилагается рука человѣческая, можетъ давать доходъ. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы самимъ нанимать рабочихъ и наживаться вымогательствомъ излишняго рабочаго времени, землевладѣльцы предпочитаютъ раздавать свои земли фермерамъ, которые не работаютъ на своихъ хозяевъ, а только платятъ имъ деньги. Фермеры являются настоящими земледѣльческими капиталистами. Но именно они ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ для своего обогащенія не прибѣгали. Если они кого нибудь лишили поземельной собственности, то развѣ только самихъ себя. Фермерскій капиталъ въ Англіи приноситъ гораздо большій процентъ, нежели земля. Поэтому, мелкій собственникъ нерѣдко предпочитаетъ продать свой участокъ и изъ недостаточнаго землевладѣльца превратиться въ зажиточнаго фермера. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ исчезновенія класса свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ Англіи. Но объ этомъ явленіи Карлъ Марксъ умалчиваетъ. Не имѣя возможности приписать обогащеніе фермеровъ насильственной „экспропріаціи“, онъ приводитъ другую причину, именно, что въ XVI вѣкѣ, когда цѣна золота упала и вслѣдствіе того

[1]) Das Kapital, стр. 752.

возвысилась цѣна всѣхъ произведеній, долгосрочные контракты на аренду земель продолжали уплачиваться по прежней номинальной цѣнѣ; отсюда для фермеровъ несмѣтные барыши [1]). Оказывается опять, что можно обогатиться не одною эксплуатаціею рабочихъ. Тутъ капиталисты нажились на счетъ землевладѣльцевъ

Наконецъ, и фабричное производство водворяется посредствомъ „экспропріаціи“ самостоятельныхъ мелкихъ производителей, работающихъ собственными орудіями. Здѣсь такъ называемая экспропріація состоитъ въ томъ, что мелкіе производители не въ состояніи выдержать конкурренціи болѣе выгоднаго фабричнаго производства, а потому прекращаютъ свои предпріятія. Мелкія производства соединяются въ болѣе обширныя мануфактуры [2]). Карлъ Марксъ признаетъ однако, что въ этой области капиталисты первоначально вышли изъ тѣхъ-же мелкихъ производителей, посредствомъ постепеннаго расширенія производства [3]). Но и тутъ все-таки главный источникъ обогащенія заключается въ грубомъ насиліи, высшимъ выраженіемъ котораго является колоніальная система. „Насиліе, говоритъ Карлъ Марксъ, служитъ повивальною бабкою для всякаго стараго общества, беременнаго новымъ. Оно само есть экономическое начало“ [4]).

Такимъ образомъ выходитъ, что все историческое накопленіе капитала „означаетъ только экспропріацію непосредственныхъ производителей, то есть, уничтоженіе основанной на собственной работѣ частной собственности“ [5]). Эта форма раздробленной собственности оказывается недостаточною на извѣстной ступени экономическаго развитія. Она даетъ слишкомъ скудные результаты; поэтому она и должна уступить мѣсто болѣе сосредоточенному капиталистическому производству. Но и послѣднее, въ свою очередь, является только переходною ступенью развитія; оно само должно уступить мѣсто высшей формѣ. Начало экспропріаціи, приложенное прежде къ мелкимъ собственникамъ, продолжаетъ дѣйствовать; но теперь оно должно быть приложено уже къ капиталистамъ. Само капиталистическое производство къ этому ведетъ: вслѣдствіе конкурренціи, мелкіе капиталы убиваются кру-

---

[1]) Das Kapital, стр. 774.
[2]) Тамъ же, стр. 777.
[3]) Тамъ же, стр. 781.
[4]) Тамъ же, стр. 782.
[5]) Тамъ же, стр. 791.

пными. Отсюда, съ одной стороны, постоянное уменьшеніе числа капиталистовъ, обращающихъ все промышленное производство въ свою пользу, а съ другой стороны, увеличеніе бѣдности, гнета и униженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмущеніе рабочаго класса, теперь уже соединеннаго и организованнаго дѣйствіемъ капиталистическаго производства. Раздробленное прежде производство теперь стало уже общественнымъ. При такомъ порядкѣ, возрастающая монополія капитала становится для рабочихъ невыносимою цѣпью. Эта цѣпь наконецъ разрывается. „Часъ капиталистической частной собственности пробилъ, восклицаетъ Карлъ Марксъ. Экспропріаторы сами экспропріируются“ [1]).

Новая форма, которую принимаетъ при этомъ производство, составляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи возвращеніе къ первой ступени. Работники опять получаютъ орудія производства въ свои руки, но на этотъ разъ, работники уже не разсѣянные, а соединенные. Орудія производства снова дѣлаются ихъ собственностью, но не личною, а общею. Къ этому результату приводитъ само капиталистическое производство, которое разсѣянныхъ работниковъ соединило въ массы и черезъ то само себя подорвало. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній процессъ представляется „отрицаніемъ отрицанія“ [2]).

Мы видимъ, что все здѣсь происходитъ совершенно согласно съ діалектикою Гегеля. Противорѣчащее начало экспропріаціи является движущею пружиною всего экономическаго развитія, и притомъ по тремъ классическимъ ступенямъ. Мы должны вѣрить, что съ первыхъ временъ человѣчества до XVI-го вѣка были только самостоятельные рабочіе, хотя разобщенные, но собственники земли и орудій; затѣмъ, они лишаются имущества въ пользу немногихъ капиталистовъ; наконецъ капиталисты, въ свою очередь, лишаются имущества въ пользу соединенныхъ работниковъ. Это — третья и высшая ступень, отрицаніе отрицанія.

Карлъ Марксъ увѣряетъ, что это „отрицаніе капиталистическаго производства происходитъ само собою, съ необходимостью естественнаго процесса“ [3]); но онъ не объясняетъ намъ, въ силу какихъ законовъ это совершается. Въ дѣйствительности, мы до сихъ поръ никакой экспропріаціи капитала не видимъ. Правда,

---

[1]) Das Kapital, стр. 792—793.
[2]) Тамъ же, стр. 793.
[3]) Тамъ же.

намъ говорятъ, что вслѣдствіе конкурренціи и сосредоточенія капиталовъ въ однихъ рукахъ, количество капиталистовъ все уменьшается, а съ другой стороны все увеличивается пролетаріатъ; но мы знаемъ напротивъ, что въ новой Европѣ, и именно вслѣдствіе капиталистическаго производства, все болѣе и болѣе ростетъ средній классъ, который является главнымъ дѣятелемъ, какъ въ промышленномъ производствѣ, такъ и въ политической области. Во всякомъ случаѣ, если конкурренція крупныхъ капиталовъ можетъ убить мелкіе, то не видать, какимъ экономическимъ способомъ крупные капиталы могутъ перейти въ руки обнищавшихъ рабочихъ. Конкурренція тутъ не опасна. Разрѣшеніе этой задачи мы получимъ, когда вспомнимъ что „насиліе есть экономическое начало“, которое должно служить повивальною бабкою новаго общества. Тогда все дѣлается очень просто. „Превращеніе основанной на собственной работѣ лицъ, но раздробленной частной собственности въ капиталистическую собственность, говоритъ Карлъ Марксъ, составляетъ, конечно, несравненно болѣе долгій, тяжелый и трудный процессъ, нежели превращеніе фактически уже основанной на общественномъ производствѣ капиталистической частной собственности въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немногими узурпаторами; здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народною массою“ [1]).

Какъ видно, это — тотъ самый рецептъ, которымъ нѣкогда Маратъ хотѣлъ осчастливить человѣческій родъ. Маратъ думалъ, что стоитъ отрубить нѣсколько тысячъ головъ, и человѣчество будетъ благоденствовать. Но ближайшимъ послѣдствіемъ приложенія этой системы было то, что отрубили головы тѣмъ самымъ, которые рубили ихъ другимъ; затѣмъ пала та республика, которую хотѣли поддержать этимъ способомъ. и понынѣ еще воспоминаніе объ этомъ лѣкарствѣ служитъ величайшимъ препятствіемъ къ утвержденію демократической свободы. Рецептъ Карла Маркса, честь изобрѣтенія котораго принадлежитъ впрочемъ не ему, а предшественникамъ его, французскимъ соціалистамъ, не былъ прилагаемъ въ такихъ размѣрахъ. Но въ 1848 году было провозглашено начало экспропріаціи богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Была даже попытка осуществить это начало. Результатъ, какъ извѣстно, былъ такой же плачевный, какъ и въ первомъ случаѣ.

---

[1]) Das Kapital, стр. 793.

Испуганное общество кинулось въ руки деспотизма. И донынѣ память объ этихъ событіяхъ является зловѣщимъ призракомъ, который внушаетъ зажиточнымъ классамъ недовѣріе къ демократическимъ учрежденіямъ. Соціальный вопросъ всегда былъ и будетъ камнемъ преткновенія демократіи. Когда государственная власть находится въ рукахъ неимущихъ, нужно много нравственной силы и высокое развитіе, чтобы не пытаться обратить ее въ орудіе собственнаго обогащенія. А именно къ этому то и побуждаютъ рабочіе классы тѣ утописты, которые, какъ Карлъ Марксъ, берутся быть ихъ руководителями. Они пользуются ихъ невѣжествомъ, чтобы подъ именемъ науки проповѣдывать имъ ученія, разрушительныя для человѣческихъ обществъ.

Это не значитъ однако, что соціализмъ представляетъ только случайное заблужденіе человѣческаго ума. Какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, и какъ явствуетъ изъ всего предъидущаго изложенія, онъ составляетъ необходимый моментъ въ развитіи мысли, но моментъ, по своему содержанію, все-таки радикально ложный. Въ немъ выражается крайнее развитіе исключительнаго идеализма, и сопряженное съ этою крайностью отрицаніе частнаго во имя общаго, поглощеніе лица государствомъ, наконецъ, отрицаніе выработаннаго исторіею во имя фантастическаго будущаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы увидимъ соціализмъ въ настоящемъ его отечествѣ, во Франціи. Идя другимъ путемъ, Французы пришли къ тѣмъ-же результатамъ. У французскихъ соціалистовъ, которые собственно были зачинателями этого движенія, утопическій характеръ системы выступаетъ еще ярче. Но зато у нихъ встрѣчаются и нѣкоторыя искупающія черты: живое отношеніе къ дѣйствительности, искреннее человѣколюбіе, подъ часъ глубокіе взгляды и мѣткая критика, наконецъ, творческая способность, хотя и съ преобладаніемъ воображенія надъ мыслью. Съ переходомъ на германскую почву, все это исчезаетъ. Нѣмцы, или, лучше сказать, радикальные нѣмецкіе Евреи (ибо только объ нихъ здѣсь идетъ рѣчь), отбросили всѣ прикрасы. Они хотѣли соціальную утопію построить на чисто научныхъ основаніяхъ. Но такъ какъ задача была невозможна, то въ результатѣ оказалась одна голая, сухая и наглая фальшь. Карлъ Марксъ говоритъ о „грубомъ мѣщанскомъ взглядѣ политико-экономa“, объ его „ограниченномъ мозгѣ“ [1]). Но передъ лицемъ этой мни-

[1]) Das Kapital, стр. 33, 591.

мо-научной критики, мѣщанскій политико-экономъ можетъ съ торжествомъ указать на разработанную имъ науку. Всякій, кто умѣетъ связывать двѣ мысли и понимать то, что онъ читаетъ, не можетъ не видѣть, какъ неизмѣримо высоко стоятъ ея чисто научные пріемы въ сравненіи съ заносчивою и вмѣстѣ педантическою софистикою ея противниковъ. Въ Германіи соціализмъ, облекаясь въ ученыя формы, приходитъ къ полному самообличенію. Только легкомысліе и невѣжество могутъ доставлять ему послѣдователей. Это не значитъ, что судьба низшихъ классовъ не заслуживаетъ вниманія и теоретиковъ и государственныхъ людей. Но разрѣшенія этихъ вопросовъ слѣдуетъ искать не въ извращеніи экономическихъ законовъ, управляющихъ человѣческими обществами [1]).

---

[1]) Не можемъ не замѣтить для устраненія всякихъ недоразумѣній, что въ этой статьѣ встрѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ общепринятой у насъ экономической терминологіи. Такимъ образомъ авторъ переводитъ нѣмецкое выраженіе «Werth» (valeur, value) «стоимостью» вмѣсто термина «цѣнности» установившагося въ нашей экономической литературѣ. На это главное отступленіе мы сочли нужнымъ обратить вниманіе читателей, такъ какъ оно можетъ дать поводъ къ недоумѣніямъ въ интересной полемикѣ Б. Н. Чичерина противъ К. Маркса. *Ред.*

Библіотека

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Государственныхъ Знаній». Т. VI.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Мая 1878 года.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).